

Сказка Эльсы Бесков

" Метла толковой Кайсы, или сказка о непослушных детях "

Мать шла по лесу и плакала. Нечасто увидишь, как она плачет, ибо она была не из тех, кто расстраивается по пустякам. Мать была привычна к тяжелому труду, и её не сломили печали и горести. Даже прошлой зимой, в тот ужасный день, когда их отца принесли домой лесорубы, рассказав, как его придавило сосной, – даже тогда дети видели, что мать не плачет, она была бледна и спокойна и утешала маленьких, которые испуганно ревели. Их большой, сильный, весёлый отец умер! Разве могут теперь радоваться мать и дети!

Но мать посадила их к себе на колени и напомнила им о том, каким добрым и весёлым всегда был их отец, и они, ради своего отца, тоже должны постараться расти добрыми и весёлыми людьми. Ведь отец смотрит на них оттуда, где он теперь пребывает, и ему горько было бы видеть своих детей мрачными и хмурыми.

И дети это хорошо поняли, ибо они знали, что отец не любил, когда они ходили с унылым видом.

А потом стали думать, как же матери одной прокормить себя и своих детей. Многие в их приходе предлагали взять кого–нибудь из сироток к себе домой, ибо дети лесоруба славились хорошим воспитанием, но мать не смогла оторвать от себя ни одного ребенка. Ей казалось, будто отец завещал ей, чтобы они с детьми держались вместе.

Поэтому мать нанялась к богатому крестьянину подёнщицей, обрабатывать клочок земли пять дней в неделю. Мать была здоровой и сильной, и все бы шло хорошо, но хуже всего – то, что приходилось часто бросать дом и детей.

Тогда она собрала детей и посоветовалась с ними как быть. И детишки горели желанием помочь своей матери. Им так хотелось остаться в усадьбе Бьеркбакке. Трудиться они были приучены сизмальства, так что работы они не боялись.

Так и решили. Нильс, которому скоро исполнится двенадцать лет, будет работать по хозяйству, колоть дрова, носить воду, ухаживать за скотом – и коровушкой, и поросенком, и четырьмя овечками, – и ещё следить за садиком. Восемилетний Лассе будет помогать старшему брату убираться, носить дрова, пасти овец.

Майя, которой пошел одиннадцатый годок, будет доить корову, готовить еду, убираться в доме и присматривать за младшенькими, особенно за малюткой Анной, которой всего лишь два годика. А помогать ей будет шестилетняя Черсти, которая умеет подметать, мыть посуду, сидеть с малюткой Анной и прочее. Тогда мать может быть спокойна.

Обрадовались ребяташки маминым заданиям и тут же взялись за работу. Дело пошло даже лучше, чем мать могла ожидать. Все было прибрано и приготовлено, когда она возвращалась по вечерам домой, и дети оставались послушными. Они теперь чувствовали себя взрослыми и умными. Мать иногда не могла сдержать улыбки, слушая, как её детки с серьёзным и умным не по годам видом рассуждают о чём–нибудь, словно взрослые.

Так и продолжалось некоторое время, но вскоре детей будто подменили. Возвращаясь по вечерам домой, мать заставляла дом и двор грязными и запущенными. То каша подгорит, то печка остынет. На дворе мычит корова, прося пить, плачет чумазая малютка–Анна, а дети ссорятся и валят вину друг на друга. Правда, им было стыдно, когда мать корила их, и они обещали исправиться, но на следующий день всё опять начиналось сначала.

Об этом и думала теперь мать, плача в лесу. И вспоминала она, как они с отцом всегда стремились воспитывать детей трудолюбивыми и верными долгу, как они радовались своим ребяташкам и гордились ими.

Что будет дальше? Так думала мать. Наверное, ничего не остается, как отправить детей на все четыре стороны, пока они совсем не одичали.

Мать, вся в слезах, спешила домой и не заметила, как ей на встречу по лесной тропинке идет маленькая старушка. Остановившись прямо перед матерью, она испытующе посмотрела на нее.

– Никак, случилось что? – спросила старушка.

– Да нет, ответила мать и хотела идти дальше, ибо она была не из тех, кто будет жаловаться на своих детей чужим людям.

Но старушка удержала её за кофту.

– Что–нибудь с детьми? – снова спросила она.

– Откуда вы знаете? – удивилась мать. А про себя она в отчаянии подумала:

«Неужели все зашло так далеко, что о моих ребяташках уже люди судачат!»

– О, я знаю много такого, чего другие не ведают, – молвила старушка с лукавой улыбкой. – Недаром меня зовут толковая Кайса.

Наконец мать узнала ее. Это была та самая «толковая старушка», к которой многие шли за советом и которая, как говорили, умела колдовать.

– Дело вовсе не в твоих ребяташках, – сказала старушка. – Это всё дети пономаря, их четверо, и они только и знают, что играть и шалить целыми днями на пригорке.

Об этом мать раньше не задумывалась, но теперь она вдруг поняла, что так изменило ее детишек, и ей стало жалко их.

– Неудивительно, что дети хотят немного поиграть, – сказала она. – Их ведь жалеешь, если они трудятся не покладая рук.

– Ну уж нет, труд всегда идет лишь на пользу, – возразила старушка. – А дети твои были гораздо веселее и бодрее, когда трудились, чем теперь, когда они ленятся. Тебе не следует сейчас быть слишком мягкой с ними.

Услышала мать эти слова и опять расплакалась.

– Видите ли, – сказала она. – Нет у меня больше сил заниматься их воспитанием. Вы, верно, считаете, что я должна задать им трёпку, когда прихожу уставшая вечером домой, соскучившись по ним за целый день.

– Ну–ну, матушка, не плачь, – проговорила старушка, и ее суровое лицо просветлело. – Я не даю советов, если меня об этом не просят, но толковая Кайса все равно найдет способ помочь тебе. Только не падай духом!

Кивнула старушка и пошла своей дорогой. А мать вытерла слезы и заторопилась на работу.

Дети в избе позавтракали и нехотя посмотрели вокруг. Надо убратсья, помыть посуду, принести в дом дрова и воды, присмотреть за скотом, – короче, дел было много, но никто не хотел заниматься ими.

Вместо этого Нильс и Майя начали спорить, кому что делать, но вдруг дверь внезапно открылась и на пороге возникла согбенная старушка.

– Какие славные ребяташки, – сказала она, – прилежные и покладистые!

Дети в изумлении уставились на старушку. Она говорила так, словно насмеялась над ними.

– Я подарю вам новую, чудесную метлу, – продолжала старушка, – она такая необычная, и она вам пригодится!

Старушка заковыляла к детям и поставила у печки метлу с длинным черенком.

– Пользуйтесь на здоровье и прощайте! – проговорила старушка и скрылась за дверью, прежде чем дети успели вымолвить хоть слово.

– Что это за глупая старуха, и что нам теперь делать с её метлой? – пренебрежительно бросил Ниссе. – Ну ладно, всем пока, я пошел удить рыбу с ребятами пономаря.

– Сперва наколи дров, – рассердилась Майя, – у нас не осталось ни щепки. И вода тоже кончилась.

– А мне плевать, – заявил Ниссе, – пусть другие надрываются.

И он взял свою шапку, готовясь улизнуть. Но можете себе вообразить! Метла отскочила от печки прямо на Ниссе и с размаху стукнула его. Ниссе вскрикнул, а вместе с ним и остальные, от страха. Не помогло мальчугану и то, что он выбежал на пригорок. Метла последовала за ним. Только после того, как эта самая метла основательно поколотила Ниссе, он наконец схватил ведро и побежал к колодцу за водой. А метла сразу же скромненько встала в уголок у печки, словно она – простая метла и ничего больше.

Черсти и Лаосе разинули рты от изумления, а Майя начала поскорее убираться в доме.

– Помогите мне убрать со стола, Черсти, – попросила она.

– Не–ет, – протянула Черсти, но тут же заметила, как метла пошевелилась в уголке.

– Да–да, видишь, я уже убираю, – закричала она и кинулась собирать тарелки со стола, стараясь не приближаться к загадочной метле.

Ниссе принес воды, косо поглядывая в сторону метлы. И решил он незаметно улизнуть, чтобы не колоть дрова, но ничего у него не вышло, ибо метла снова настигла его. На этот раз он получил лишь пару ударов, потому что живо схватил топор и принялся колоть дрова.

– Мать просила нас прополоть сегодня бобовые грядки, – сказал он Лассе, – иди начинай, а я пока присмотрю за поросёнком.

– Сам иди, – заявил Лассе, но не успел он это сказать, как тут же получил удар от ужасной метлы.

Мальчик выбежал из избы и принялся полоть грядки, да так старательно, как никогда раньше.

Тем временем Майя и Черсти молча перемыли всю посуду, изредка бросая взгляды на метлу.

– Знаешь что, – сказала Майя Черсти, – пойдем в лес собирать чернику и возьмем с собой малютку Анну. Тогда мы сварим на ужин

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

кашу с черникой, как раз к приходу матери.

– Но ведь мама сказала, чтобы мы сегодня обязательно вымыли пол, – напомнила Черсти. – Мама говорила, что он у нас такой грязный.

– Ну, это мы можем сделать и завтра, – рассудила Майя, – а сегодня сходим в лес за черникой вместе с дочками пономаря Гретой и Анной.

– Берегись, Майя! – вдруг воскликнула Черсти, ибо к сестре уже подскочила метла.

Майя немедленно схватила ведро и щетку да так проворно начала скрести пол, что вскоре он просто заблестел.

А Черсти тем временем вывела малютку Анну на двор. Посадила она кроху в траву на солнышке и дала ей деревянную ложку да жестяную миску, поиграть. Сама же Черсти растянулась рядом. Так чудесно было дремать на солнышке, что Черсти чуть было не уснула, и тут вдруг она почувствовала совсем рядом с собой ужасную метлу. Вскочила Черсти и увидела, что малышка направилась к хлеву и протянула ручку, чтобы схватить растущую возле крапиву.

Черсти успела отдернуть сестричку в последний момент. Но одну ручку та уже обожгла. Заплакала кроха, а Черсти принялась дуть ей на ручку.

– Побей меня, – попросила Черсти метлу, – я действительно этого заслуживаю.

Но метла уже исчезла в избе.

Мать была обрадована и удивлена, вернувшись домой. Пожалуй, целую неделю она не видела, чтобы дом и двор были такими чистыми и прибранными. Стол был накрыт, и в котелке дымилась каша. Малютка Анна, умытая, спала в кровати. Дети выглядели аккуратными, но несколько угрюмыми, подумала мать.

– Дорогие мои детки, сегодня вы доставили мне большую радость, – сказала мать. – Давайте устроим себе приятный вечер, как бывало прежде? Что, если я расскажу вам одну из отцовских сказок?

Дети просияли. Самым интересным было раньше слушать рассказы отца, а он згал множество длинных и замечательных историй о всяческих приключениях. Он рассказывал о старых добрых временах и о том, что слышал в детстве от своего дедушки; а иногда он рассказывал о своих собственных приключениях в разных странах, ибо отец в молодости был моряком.

Дети собрались вокруг матери на деревянной лавке, и она рассказывала им разные истории до тех пор, пока не угас жар в печи и не стемнело. Давно у них не было такого чудесного вечера.

На следующий день дети оказались еще более усердными и старательными, чем накануне, но все равно метле пришлось пару раз выскочить из угла: ребятишки немного поссорились, ибо каждый хотел себе работу полегче.

В раздражении Нильс попытался бросить несносную метлу в огонь, но ничего не вышло, он лишь получил удар черенком по пальцам, и они потом долго ныли.

В конце концов дети так осерчали на метлу, что объединились против неё.

Они тихонько посовещались за углом дома и решили, что вчетвером они окружат метлу, как бы ненарочно, а потом Нильс подаст знак и они одновременно схватят ее и быстро бросят в печку.

Но ничего не получилось. Вместо того чтобы сгореть в огне, метла выскочила из печки, пролетела над их головами и начала колотить всех четверых с такой силой, что они в испуге закричали:

– Ой, не надо, дорогая метла, не надо, мы больше не будем!

Вернувшись домой, мать увидела, что и в этот вечер все в избе прибрано. Похвалила она своих деток ещё больше.

– Что меня больше всего радует, – сказала она, – так это то, что вы сами решили стать послушными и прилежными, чтобы доставить своей матери радость. Если бы вас принудили к этому суровым наказанием, то радости было бы меньше.

Дети смущённо посмотрели друг на друга. Никто из них не решился рассказать о метле, но все они ощутили угрызения совести.

Поняли они, как плохо относились к матери, и решили, что отныне надо самим быть послушнее, а не ради "Этой дурацкой, глупой, старой метлы».

– Мама, – вдруг сказала Майя и потянула мать поближе к углу, где стояла метла. – ответь нам громко и ясно: можно нам пойти завтра в лес собирать чернику, когда мы закончим уборку в доме?

– Да, мама, – подхватил Нильс, – ответь мне тоже погромче: можно мне пойти завтра ловить рыбу, когда я все сделаю?

– Конечно, дорогие мои, – ответила удивлённо мать, – если поторопитесь с работой, то и в лес успеете. Славно будет полакомиться рыбой и ягодами, не забудьте только взять с собой малютку Анну!

– Слышала? Слышала, ты! – торжествующе провозгласил Нильс.

– С кем ты разговариваешь, Нильс? – удивилась мать.

– Ни с кем, – ответил Нильс.

Не следует бросать детей одних, подумала мать. И она сказала:

– Идите ко мне, детки, давайте–ка поговорим, пока я латаю штанишки Лассе.

И в маленьком домике стало весело и уютно, как прежде. Дети с нетерпением ждали по вечерам мать, и она радовалась, что успевала пообщаться с детишками, вместо того чтобы доделывать за них работу или ругать их за непослушание.

Но на метлу дети по–прежнему сердились, хотя она теперь тихо стояла в своём углу. Одна только Черсти помирилась с метлой, и однажды она похлопала ее по черенку и сказала:

– Спасибо тебе, дорогая метла, за то, что ты порадовала нашу маму!

Но Черсти–то со всеми была ласкова и приветлива.

Наступила суббота, и мать осталась дома. Она обычно затевала большую уборку и тут впервые обнаружила новую метлу, стоявшую в уголке.

– Нет, посмотрите–ка, что за прекрасная метла, – воскликнула мать. – Где вы ее взяли?

– Не трогай её, мама, не трогай! – закричали в один голос Лассе и Черсти.

– Почему? – спросила изумлённая мать. Она взяла метлу в руки и повертела ее. Метла вела себя тихо, как ни в чем не бывало.

Тогда Лаосе придумал, что надо сделать.

– Мама, брось её в огонь, – горячо зашептал он. – Брось её скорее!

– Бросить такую чудесную вещь в огонь? – удивилась мать.

И тут малютка Анна, державшаяся за юбку матери, увидела метлу.

– Плохая метёлка, – пролепетала девочка. – Плохая метёлка, она побила Ниссе, Лассе, Майю, аи–аи!

– Что ты говоришь, малышка, – сказала мать. – Неужели Ниссе ударил Майю и Лассе метлой?

– Ну, конечно, нет, – вмешалась Майя, – Анна говорит глупости.

Но все дети выглядели такими смущёнными и пристыженными, что мать не могла взять в толк, что с ними такое.

– Надеюсь, вы не взяли эту метлу без разрешения? – спросила она детей.

– Нет, мама, нам принесла ее одна старушка, – поспешила ответить Майя. – Не пора ли задать корм пороссятам, а?

– Послушай, Нмльс, – сказала мать, – вы что–то утаиваете от меня. Ты самый старший, вот и расскажи мне обо всем по порядку!

И Нильс, запинаясь, рассказал о метле, да и другие дети вставляли по словечку, ибо им хотелось поведать матери обо всех странностях, которые происходили с ними.

Мать слушала их молча. Она была серьезна и уже не так радостна, как раньше.

– Значит, вот почему вы стали такими послушными в последнее время, – сказала она. Я–то думала, что вы меня любите и хотите мне помочь, а вы просто боялись побоев.

– Мамочка, не надо расстраиваться из–за этого, – сказал Ниссе. – Когда тебя не было дома, мы легко забывали, что надо быть послушными и усердными, и очень хорошо, что метла за нами следила.

– Да, но что же будет потом, – вздохнула мать, – когда вы станете взрослыми и рядом не окажется ни матери, ни метлы? Как же вы сможете стать честными и трудолюбивыми людьми, если вы привыкли, что вас вечно метлой подгоняют?

– Поверь нам, мамочка, – сказала Майя, чуть не плача, – что мы будем трудиться не ради этой дурацкой метлы, а ради тебя, потому что мы тебя любим и хотим тебя порадовать. Можешь запереть метлу в шкафу. Вот увидишь, мы будем работать не хуже, чем раньше!

Так мать и сделала, и к своей радости, она увидела, что дети вели себя хорошо. Правда, иногда случалось, что метла начинала постукивать в дверцу шкафа, когда Лассе или Черсти не слушались старших. Но достаточно было одного напоминания, чтобы они снова начинали вести себя как следует.

Так, в любви и согласии, прошло лето, и однажды осенним вечером, когда все сидели за ужином, в дверь постучали и вошла маленькая толковая старушка.

– Здравствуйте, – сказала она, – я хотела бы знать, нужна ли вам еще моя метла?

– Спасибо, матушка Кайса, – ответила мать. – Вы оказали мне большую услугу.

В тот же миг в шкафу застучало, загрохотало, и мать распахнула дверцу. Метла выпрыгнула наружу и пропела:

Забери меня, Кайса, домой!
Я стою пять недель сам не свой,
Жду, когда же наступит покой.

– Сними колпачок, Ниссе Пер, пусть дети тебя увидят, – проговорила старушка, и тотчас перед ними возник маленький сердитый мальчуган. В руке он держал метлу.
– Ты здесь больше не нужен? – спросила его старушка.
И гном, а это был именно он, ответил:

Тридцать дней назад я задал им трепку,
И с тех пор томлюсь здесь без всякого толку.

– Тогда тебе лучше отправиться в путь, – сказала старушка. Ниссе Пер сел верхом на метлу, натянул на голову свой серый колпачок и мигом вылетел в дверь.
– Пойду, пожалуй, за ним следом, погляжу, куда он полетел, – сказала толковая Кайса. – Может, он понадобится где-нибудь в другом месте. А вам всего доброго!
И она скрылась за дверью. Но вдруг снова заглянула в комнату:
– Если вам опять понадобится метла, то скажите мне, – напомнила она.
Но дети хором закричали:
– Нет-нет, она не понадобится! И метла действительно больше не понадобилась. Дети доставляли с тех пор своей матери только радость. А Нильс теперь совсем взрослый и работает поденщиком вместо матери, и все охотно помогают друг другу.
Но если кому-то понадобится взять на время метлу у толковой Кайсы, вы только скажите ей. Живет Кайса прямо в лесу, в низенькой серой избушке с крышей из дерна. Дверь покосилась налево, а окно – направо, и растущие рядом синеглазки достают до конька крыши.